

АРИЯ ГЕСС

Ангелы

С ЧУДОВИЩАМИ

ДОЛГО НЕ ЖИВУТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ария Гесс

**Ангелы с чудовищами
долго не живут**

«Автор»

2026

Гесс А.

Ангелы с чудовищами долго не живут / А. Гесс — «Автор», 2026

— Смотри на меня, — его пальцы жестко сжимают мой подбородок, заставляя запрокинуть голову.— Ты ведь этого хотела, когда преследовала меня?—
Отпусти — шепчу, а у самой дыхание перехватывает от пугающей близости его тела.— Нет, — Дамир кривит губы в жестокой усмешке. — Ты сама решила поиграть с дьяволом. И сейчас ты заплатишь за это цену._____ Он — инструмент, которому нельзя любить. Он — машина, созданная убивать. Он привык получать все: города, людей, деньги, судьбы кроме той, кого однажды у него отняли, — ангела, случайно вошедшего в его жизнь и не знающего, что уже стала причиной его падения.

© Гесс А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	23

Ария Гесс

Ангелы с чудовищами долго не живут

Пролог

Мой трон — это алтарь, где единственной жертвой всегда остаюсь я сам.

Сидя на черном стуле, специально вырезанном для меня из цельного оникса, я наблюдаю за тем, как створки из эбенового дерева, украшенные барельефами, изображающими падение империй, беззвучно расходятся под нажатием бледных пальцев Григория.

Спокойствие на моём лице разве что сравнимо с тонкой ледяной коркой над кипящем яростью океаном, ибо цель визита моего помощника грозит в будущем стопроцентным сношением голов.

— Мой Вип... мы нашли предателя... — хрипло докладывает, а потом делает паузу, на мгновение встречаясь со мной глазами, полными ужаса.

— Имя.

Григорий тяжело сглатывает.

— Это... это Елена, ваша фаворитка.

Я медленно прикрываю глаза.

Девушка, которая проводила со мной ночи последние несколько месяцев оказалась гребаной крысой, сливающей террористам информацию о моем местонахождении, из-за чего за это время было уже шесть покушений на мой дом, и перебито около двадцати служащих.

Я выделил её среди всех, кто носит маски, и позволил ей приблизиться. И в очередной раз поплатился за это, доказывая самому себе, что слабости — зло.

А женщины — самое худшее из них.

Я даже глазом не моргаю, осознавая, что выбор был сделан не мной. Выбор сделала она, просочившись словно яд в мой дом, и собираясь вытравить в нём всех до основания.

В жизни таких, как я, никогда и никому нельзя верить, ибо слабость — это не просто брешь в обороне, это смертельная болезнь. И чтобы она не убила тебя, ты должен быть первым.

Я поднимаюсь с места, поправляя чёрный бархат костюма, и подхожу к Григорию, страх которого оседает на моих рецепторах, будоража кровь.

— Подготовить ее как обычно.

— Господин

— Я разберусь с ней сам.

Григорий опускает голову и скрывается за дверью, тогда как я подхожу к панорамному окну, чтобы убедиться в очередной раз, что лишь одиночество — безопасно. Я слишком часто стал забывать, что моя жизнь — это не то, что может мне принадлежать.

Я принадлежу своей стране.

Принадлежу миру.

И когда-то принадлежал ей

И дорого поплатился за то, чтобы мою болезнь под названием «Евангелина» вылечили.

Слишком дорого

Больше такого я не допущу.

Тяжелые створки снова расходятся, и в воздухе появляется тот самый цветочный аромат, который исходит лишь от неё.

Медленно оборачиваюсь.

Маска из бриллиантов, сверкающая ослепительной россыпью камней, закрывает все её лицо, оставляя моей фантазии возможность додумать. Нежный, почти прозрачный шелк белого платья скользит за ней, собираясь в складки, словно морская пена. Длинные белые волосы, волнами спадая с плеч, напоминают мне о тех самых, вдыхая которые я готов был умереть с их ароматом в легких.

— Стань на колени, — приказываю жестко.

Она подчиняется, опускаясь на колени, и белое платье растекается по черному ониксу уродливым пятном.

Прерывистый звук ее дыхания выдает ее страх, но как жаль, что мне плевать.

Я хватаю её за волосы, вынуждая запрокинуть голову, и провожу большим пальцем по маске. Она смотрит на меня своими голубыми глазами, снова напоминая те самые, и за это я ненавижу её ещё больше. Перевожу взгляд в зеркало, в котором отражаются наши фигуры, и вижу совершенно другую картину

Другое лицо другие глаза кажется, слышу даже ее голос.

Это заставляет озвереть окончательно.

— Вставай, — хватаю её за горло и в два шага оказываюсь возле рабочего места, впечатав её головой об стол.

Грубо схватив за грудки, разрываю шелковое платье, позволяя тряпкам освободить ее бледное, почти белое тело, на котором так отчётливо сейчас видны следы от моих рук.

— Если бы я не чувствовал омерзение от возможности увидеть твое лицо, ты бы сейчас сдохла от нехватки воздуха с моим членом во рту, но тебе повезло, — резко разворачивая ее, стягиваю штаны и вхожу одним резким толчком.

Я трахаю ее сзади слишком грубо, с жестким остервенением вбиваясь на всю длину, заставляя её кричать так, чтобы сорвать ее ебанные связки.

Я не чувствую удовольствия от этого секса, только попытку подавить эту слабость, которую она олицетворяет. Совершая последний акт доминирования, акт присвоения ее жизни, смешанный с моей собственной, отчаянной попыткой доказать, что все еще под контролем.

Но её тело её гребаное тело которое так похоже на то, другое. Её движения, стоны, которые она не смеет произнести вслух, которые пытается душить в себе, но все равно мычит как раненое животное.

Раздражая меня до скрежета зубов, эта мерзость заставляет меня становиться ещё более твердым возле неё.

— Замолчи! — рычу я, не в силах слышать её, пусть и сдавленных, но стонов.

Потянув её за волосы, дергаю назад голову и, просунув руку под маску, закрываю её рот своей рукой, принимаясь трахать её ещё сильнее.

Шлепки тел — единственное, что остается слышно в этой комнате, и меня это устраивает.

До тех пор, пока ее крик не становится слышен даже через мою ладонь, после чего я вовсе хватаю её за горло, сжимая на убой, и вбиваюсь с ужасающей скоростью.

В этот момент я чувствую ее полную беспомощность, ее жизнь, пульсирующую в моих руках, и получаю выброс гремучей смеси эндорфинов и собственной ярости.

Каждый сокрушительный толчок отзывается в моих ладонях судорожным биением ее сонной артерии.

Эта динамика подчинения сносит остатки рассудка, стирая грани между наслаждением и казнью: разорванный шелк ее платья трещит под моими пальцами, а блеск бриллиантовой маски, отражающий золото потолочных люстр, лишь сильнее разжигает внутреннее пламя, требующее сжечь эту суку дотла.

Я заберу у нее все, прежде чем забрать жизнь. Я заберу ее удовольствие, ее стон, ее последний вздох, чтобы сделать их частью себя, прежде чем стереть её из этого мира полностью.

Ты была лишь миражом, который я попытался принять за подобие действительности. Но миражи не живут в моем мире.

Чувствуя, как в пояснице простреливает импульс, свидетельствующий о предстоящей разрядке, я подтягиваю ее за горло к своей груди, и кончаю.

Даю себе секунду на подобие слабости, после чего вытаскиваю заготовленный нож и подношу к её горлу:

— У тебя не было права выбирать хозяина. Ты все равно навсегда останешься моей, — резкий рывок, и пронзительный крик заглушается сдавленным стоном.

Откидывая от себя её тело, смотрю за тем, как из ее шеи льется кровь, растекаясь по белому платью и черному полу.

Ее рука, слабеющая с каждой секундой, поднимается к горлу, а потом скользит вверх и дергает за маску.

Камни осыпаются на пол, звеня между собой, когда я ожидаю увидеть искаженное ужасом лицо предательницы, но вижу то что дробит на тысячи мелких осколков мою душу.

— Нет! — вырывается из моего горла нечто, подобное агонии, и я с грохотом падаю на колени, не понимая, снится мне это, или я умер и попал в свой персональный ад, где вместо лица разьебанной мной несколько секунд назад предательницы, я вижу лицо Евангелины.

— Мы, — она хрипит, держась за горло, — передаем тебе привет, Романов.

— Ева! — рычу я, прижимая её тело к своей груди.

Алые губы ангела, которые я когда-то целовал, теперь искажены последним вздохом. Голубые глаза, которые когда-то смотрели на меня с любовью, стекленеют, отражая мой собственный ужас.

Мои руки в ее крови.

В крови женщины, которую я любил.

В крови женщины, которую я убил.

Глава 1

А Боги смеялись, играя в свои игры и называя это судьбой.

10 лет назад

Евангелина

— Ты такая красивая, Ева. Как ангел, — замороженно выдыхает Настя, поправляя мое белое, струящееся по фигуре платье.

Смотрю на себя в зеркало, довольно отмечая идеально лежащие светлые волны, макияж в светло-оранжевых тонах, подчеркивающий цвет моей бледной кожи и украшенные камнями босоножки.

— Я так волнуюсь, — признаюсь подруге, так как сегодня мой первый поход в клуб.

Жизнь в строгой, консервативной семье, где каждый шаг контролировался вплоть до минуты, наложила свой отпечаток, сделав меня затворницей, от участи которой я и пытаюсь избавиться последние полгода, когда я переехала, и все изменилось: вырвавшись из удушающей опеки, переехав в столицу и сдав вступительные экзамены на бюджет в самый престижный Национальный Университет Высшей Юриспруденции, я словно начала заново учиться дышать.

Настя и Оля — мои одноклассницы, с которыми, при всем нашем различии, мы сразу нашли общий язык, мне очень в этом помогли. Поэтому сегодня мы всем сбором идём на самую знаменательную вечеринку года — конкурс «Мистер и Мисс Правосудия», проходящий в самом пафосном ночном клубе города.

Кажется, это становится моим первым, по-настоящему смелым шагом в неизведанную взрослую жизнь, и потому дрожь в теле едва ли собирается меня покидать раньше времени.

— Девочки, карета подана, — Оля отрывается от экрана телефона, хитро подмигивая. — Наш личный водитель уже бьет копытом у подъезда.

Ставив с консоли сумочки, я замыкаю дверь своей квартирки, и мы с подружками выбегаем на морозную улицу, сразу замечая припаркованный автомобиль старосты нашего курса.

Александр Велихов — высокий, обаятельный и всегда готовый прийти на помощь, галантно открывает перед нами дверцы.

— Привет, Искандер, — издевательски бросаю я, в очередной раз называя его по-турецки.

— Евгеля, — не остается в ответе он, зная, как меня бесит такое прозвище, на что я показываю ему язык.

— Ох, Евка, ты бы его не драконила, а то что мы без твоего языка делать-то будем, — ржет Оля, садясь на переднее сидение в машину.

Мы с Настей усаживаемся сзади, и салон моментально заполняется смехом, шуточками и университетской болтовней.

Александр то и дело бросает на меня взгляды через зеркало заднего вида, а когда мы останавливаемся на светофоре, он оборачивается, и его рука, словно невзначай, касается моей, когда он просит подать ему куртку.

Внутри мгновенно срабатывают годами выстраиваемые барьеры, заставляя мышцы напрячься, но я не убираю ладонь. Саша мне действительно очень нравится. Он красивый, надежный, заботливый, но я все равно не могу с ним расслабиться — врожденная стеснительность сковывает движения, не позволяя ответить на прикосновение чем-то большим, кроме робкой улыбки.

Спустя полчаса мы уже подъезжаем к клубу. Оглушающий бас музыки бьет по барабанным перепонкам еще на подходе. Толпа нарядных студентов толпится у входа, ослепляя вспышками фотокамер на фоне огромной брендированной фотозоны.

— Ев, давай мы с тобой сфотографируемся? — перекрикивая шум, просит Александр, и пока я оглядываюсь в поисках внезапно сбежавших подруг, по-хозяйски притягивает меня к себе за талию, прижимая так близко, что становится трудно дышать. — Ты сегодня невероятная...

Горячее дыхание парня опалает кожу шеи, вызывая не трепет, а какой-то удушающий приступ паники. Пролепетав что-то невнятное в качестве извинения, резко вырываюсь из его объятий и, не разбирая дороги, устремляюсь в сторону коридора, желая скрыться и элементарно перевести дух.

Не успевая затормозить на непривычно высоких каблуках, на полном ходу врезаюсь в кого-то, практически падая.

Жесткая рука смыкается на моем запястье, в секунду поднимая вверх.

И когда я поднимаю голову вверх, чтобы посмотреть на спасителя цепенею. Тёмные глаза, обрамленные густыми ресницами, и смотрящие куда-то вдаль, выглядят превосходно. Квадратный подбородок, слегка впалые скулы и немного щетины делают его красоту мужественной, а складка между бровей — суровой.

Никогда ещё в своей жизни я не видела настолько красивого мужчину.

— Извините, — слетает с губ беглое извинение, пока пальцы судорожно цепляются за дорожную ткань мужского пиджака в попытке удержать равновесие.

Ответа не следует.

Он лишь механически отцепляет мои пальцы от своего костюма и тут же скрывается в толпе, даже не взглянув на меня.

А я... остаюсь стоять как вкопанная.

Сердце срывается в бешеный галоп, а ребра болят так, словно кто-то невидимый стягивает их жгутом. Воздух вокруг внезапно становится до странного приторным, пропитанным тем самым парфюмом, который я успела разложить на оттенки, намертво отпечатав в памяти и заставляя звучать до сих пор.

Не знаю, сколько ещё времени я стояла бы на этом месте, если бы не подруги, которые настигли меня спустя пару секунд и насильно утянули на второй этаж.

— Блин, серьезно? — возмущается Настя. — Он так и сказал?!

— Твой «уголовник» такие финты нам на парах устраивает, это ещё мелочь, — добавляет Филипп.

«Уголовник» — это наш препод по уголовному праву, которого до ужаса любит Настя. Своеобразный, харизматичный мужчина — бывший опер, сразу завладел её вниманием, и теперь она с ужасом слышит от студента другой группы то, как он кошмарит студентов на семинарах.

— Он просто руки в карманы засунул, а Саныч ему — хватит бильярдные шары гонять, есть вероятность проебать что-то важное.

Пока все смеются, пьют коктейли и продолжают рассказы, моё сознание отказывается возвращаться в реальность.

Меня бросает то в жар, то в лютый холод. Бесцельно меряя шагами зону веранды, не нахожу себе места, а когда подошедший Александр снова пытается коснуться моего плеча, его руки кажутся до тошноты чужеродными, неправильными.

— Ев, ты чего? — спрашивает, притягивая меня к себе за талию, но я практически взвизгиваю.

— Саш, пожалуйста! —ставляю руки. — Мне нехорошо.

И я даже не вру.

Внутренности скручивает, перед глазами плывут цветные пятна, а непривычная, бьющая крупной дрожью слабость заставляет думать, что у меня давление упало до критической отметки, и я вот-вот потеряю сознание.

Такого со мной ещё не было. Это странно. И страшно. И почему-то возникает маниакальное желание увидеть *его* снова.

Внезапно свет в клубе полностью гаснет, сменяясь направленными на сцену прожекторами. Я подхожу к перилам, вглядываясь в толпу, которая взрывается оглушительным ревом, приветствуя вышедших кандидатов.

Смазливые парни, ослепительно улыбающиеся в камеры, выстраиваются в ряд. Среди них узнаю местного красавчика академии — Альберта Серова. По нему сохнет добрая половина девушек в университете. Однако я никогда не разделяла этих восторгов.

Слишком смазливые черты лица, слишком длинные ноги, слишком приторная улыбка. Да все в нем отдает фальшью.

К тому же, этот «эталон» живет ровно на этаж выше меня, и каждый раз, слушая по ночам стоны его очередных пассий, а днем наблюдая, как он строит из себя неприступного праведника, принципиально не смотрящего на девушек, я испытываю лишь безразличность.

Лицемерище долбанное.

Поэтому, когда ведущий торжественно объявляет его победителем, на моем лице не дрожит ни один мускул. Но ровно до того момента, пока динамики не разрывает следующий анонс:

— А теперь мы просим подняться на сцену победителя прошлого года, чтобы передать корону и жезл новому Мистеру Правосудия!

Ткань платья в районе груди с треском натягивается от того, как сильно я сжимаю ее побелевшими пальцами.

На сцену небрежной походкой выходит *он*.

Причина моей тахикардии, уязвленной самооценки и непрекращающегося тремора в руках.

Легкие моментально забывают, как вообще нужно функционировать. Меня словно помещают в стеклянный вакуум, безжалостно выкачав весь кислород. Дрожь, только-только начавшая отступать, возвращается с утроенной силой, прошивая позвоночник электрическими разрядами.

Его безупречно высеченный профиль, темные глаза, сканирующие зал с ледяным равнодушием, — все это парализует волю.

— Какой красивый, да? — тягуче, словно под гипнозом, произносит стоящая рядом Ольга.

— Да-а-а — выдыхаю на автомате, не в силах отвести взгляд от широких плеч, обтянутых пиджаком.

— Тебе вообще везет, ты с ним в одном доме живешь возле академии.

— Чего? — вынырнув из транса, непонимающе моргаю, осознавая, что подруга пускает слюни на этого смазливого страуса.

— Альберт такой секси.

— Что-то не заметила, — сухо бросаю в ответ, отшатываясь от перил именно в тот момент, когда на сцену к победителям выпархивает новоиспеченная Мисс Правосудия — ослепительная брюнетка в откровенном наряде.

Она встает рядом с мужчиной, невольно ставшим центром моей вселенной на этот вечер, и он, позируя для фотографов, по-хозяйски кладет руку на ее оголенную талию.

В груди что-то неприятно хрустит. Кажется, будто меня через мясорубку пропускают.

Находиться здесь становится невозможным. Задыхаясь от странной, разъедающей изнутри горечи, нахожу Александра.

— Отвези меня домой, Саш, я сейчас правда плохо себя чувствую.

— Евочка, — он виновато улыбается, и я морщусь, когда в нос бьет стойкий запах алкоголя, — я тут с ребятами немного выпил, но тебя, конечно же, отведу. Давай только сначала потанцуем, а?

— Куда ты везти меня собрался? Ты разве не право изучаешь? Ребят, — обращаюсь к остальным за столом, — я уже домой поеду, мне что-то нехорошо.

Подруги куксятся, но не отговаривают меня. Испорченное настроение, смешанное с непонятным желанием разрыдаться прямо здесь, одолевают мгновенно, поэтому я сразу же сбегая с веранды, протискиваясь сквозь толпу танцующих, и на ходу вызывая такси.

Пронизывающий декабрьский ветер обдувает голые плечи, пока я стою на улице, кутаясь собственными руками. Проходит десять минут, пятнадцать. Такси не едет, а значок батареи на телефоне угрожающе мигает красным. Система издевательски сообщает, что свободных машин в этом районе нет, за исключением тарифа «Бизнес», стоящего в десять раз дороже обычного. Но сейчас мне плевать. Я готова отдать все, что угодно, лишь бы убраться отсюда.

Нажимаю кнопку заказа в ту секунду, когда экран телефона гаснет окончательно.

— Черт! — кидаю его в сумку, и принимаюсь ожидать машину.

Уж бизнес-то я точно смогу отличить от обычных машин. Тут даже номера знать не надо.

И к моему счастью, спустя две минуты, когда я уже окончательно замерзла, ко входу плавно подкатывает черный, тонированный в ноль автомобиль представительского класса. Не раздумывая ни секунды, бросаюсь к нему, дергаю ручку задней двери и прыгаю на кожаное сиденье.

— Здравствуйте, — шепчу на автомате.

Мужчина за рулем, одетый в строгий костюм, странно косится на меня через зеркало заднего вида, но не отвечает и не трогается с места.

— В чем дело? Почему мы не едем? — чувствую, как раздражение начинает перерастать в панику.

Он не успевает ответить.

В это мгновение противоположная дверь открывается. В салон опускается крупная, подавляющая своей энергетикой фигура.

Дверь захлопывается, и в полумраке на меня в упор смотрят два пронзительных, темных глаза того, кто всего полчаса назад одним своим видом забрал на себя всё моё внимание.

Глава 2

Он не сказал мне ни слова.

Но именно его молчание стало началом моей зависимости.

Осторожно кошусь на безупречный профиль, до боли сжимая ремешок сумочки, и с ужасающей ясностью понимаю, что в панике запрыгнула в чужую машину.

Бешеный пульс бьет в висках, отдаваясь набатом в ушах, но, как ни странно, выходить из машины совершенно не хочется.

— Простите, я вызвала такси, но оно не ехало, и потом... — я начинаю нести какую-то чушь, тараторя и пытаюсь оправдаться.

Однако он даже не поворачивает головы, смотря в свой планшет.

Ни единого слова, ни единой реакции. Полное равнодушие.

А потом следует короткий кивок в сторону зеркала заднего вида, и низкий, пробирающий до самых костей голос, от которого моментально слабеют колени, звучит в пространстве салона:

— Отвези куда скажет, потом уже в Бланш.

Замолкаю, судорожно сглотнув, и всю дорогу сижу ни жива ни мертва, не смея даже дышать громко. Он за это время так ни разу на меня и не смотрит, будучи увлеченный какой-то работой.

А я, глядя на его широкие плечи, отчаянно пытаюсь найти оправдания в собственной голове.

Ведь он все же не выставил меня на мороз.

Довез.

Ещё и ушел с главной вечеринки года. И, что самое странное, уехал совершенно один, да ещё и трезвый.

Когда машина мягко тормозит у моего подъезда, торопливо бросаю скомканное «спасибо» и, так и не дождавшись ответа, выскакиваю на улицу, жадно глотая воздух.

Господи, помоги!

Сердце не просто бьется, оно мне тут ребра проломить пытается.

Взлетев по ступеням и ворвавшись в квартиру, падаю на кровать, раскинув руки, и понимаю лишь одно: я окончательно и бесповоротно влюблена.

И чем больше он молчит, чем сильнее игнорирует само мое существование, тем невыносимее становится маниакальное желание узнать о нём как можно больше, разобрать на атомы каждую его тайну.

И решаю начать прямо на следующий день.

— Вы видели, как Алексей Алексеевич вчера вокруг новенькой Мисс крутился, — фыркает Настя, размешивая сахар в пластиковом стаканчике с кофе на перемене. — Он вообще-то за дисциплиной следить должен был, а в итоге потом, говорят, вообще с двумя уехал.

— Да Бог с ним, с Алексеичем, — отмахивается Оля, поправляя волосы. — Там же такое было после того, как ты сбежала, Ев...

Я не успеваю ответить, потому что мой взгляд цепляется за процессию, неспешно шествующую по коридору главного корпуса.

Компания Альберта Серова, состоящая из самых элитных, лощеных мажоров академии, расступается, и среди них, словно настоящий дьявол возле своих приспешников, идет *он*.

— Девочки, — шепчу севшим голосом, не в силах оторвать глаз от его фигуры. — А кто... кто это со страусом? Вы его знаете?

Подруги замолкают, проследив за моим взглядом, и почти синхронно, с придыханием выдыхают:

— Это же Дамир Романов.

— Жуткий тип, — тут же заговорщически подхватывает Оля, понизив голос до шепота и обняв себя своими пухлыми ручками. — Говорят, он тут вообще числится чисто номинально. Уровень знаний зашкаливает за все нормы, зачем он вообще здесь появляется — абсолютно непонятно.

— А еще у него лекции отдельно ото всех проходят, представляешь? — добавляет Настя, округлив глаза. — Он дико загадочный. Они с Альбертом вроде как братья, то ли сводные, то ли двоюродные, поэтому вечно своей диаспорой вместе ходят. И бесит то, что смотрят будто сквозь девушек, словно нас в природе не существует, высокомерно задирают носы, ходят как короли в одежде как полгорода стоит, на тачках лимитированных приезжают и забирают все гребаные университетские награды.

— Ага, знаю я, как они на девушек внимания не обращают, — ядовито шиплю под нос, вспоминая холеного Альбертика, которого регулярно вижу в лифте нашего дома с каждым раз новыми, расфуфыренными девицами.

Лицемеры.

А что касается его

Дамир...

Мысленно пробую на вкус его имя, перекатывая на языке. Подходит ему. Даже очень. Терпкое, жесткое, как и та красивая складка между его бровей.

— Ев, а ты чего интересуешься? Влюбилась что ль? — выгибает бровь Оля.

— Что?! — сжимаю губы, не собираясь признаваться. — Сейчас прям! Мне учиться надо, чтобы путь себе пробить, мне некогда думать о таком.

— Ну и классно, а то Велихов вздернется, если узнает, — смеются подруги, но мне так плевать становится.

На учебу, на Велихова потому что с этого самого момента мое внутреннее расследование уже стартует на полных оборотах.

Игнорируя конспекты, я пробиваю на следующей лекции по конституционному праву его по всем доступным социальным сетям. Нахожу на официальной странице реалграмм фотоотчет с «Мистера Правосудия», тыкаю на отметку и перехожу на профиль.

Аккаунт оказывается абсолютно пустым: ни аватарки, ни постов. Но среди отметок, представленных другими, обнаруживаю целую россыпь его фотографий по разным группам красивых мужчин. Сохраняю себе каждую, кропотливо вырезая в редакторе те кадры, где крупным планом видно его лицо, и прячу в скрытую папку на телефоне.

Сканирую подписки. Ни одной девушки, ни единого паблика с мемами или машинами. Зато в самом топе висит официальная страница Академии Единоборств (далее АЕ), находящейся буквально в двух кварталах от нашего кампуса.

Интересно. Судя по описанию подруг, статусу и этому шлейфу пугающей власти, такие, как он, должны иметь собственные фитнес-залы в особняках. Но, возможно, ему слишком скучно тренинг в одиночестве.

Сразу после пар, еле отлипнув от неугомонных девочек под предлогом поиска подарков для них же на грядущий Новый год, целенаправленно иду в сторону АЕ, кутаясь в шарф от пронизывающего ветра.

— Добрый день. Подскажите, а девушек без опыта вы берете на тренировки по боксу? — спрашиваю у администратора — накачанного парня с поломанными ушами кавказской национальности.

— Берем, почему нет, — усмехается он, окинув мою фигуру скептическим взглядом. — Главное, чтобы желание было. Держи, вот список экипировки, что нужно купить для начала. Перчатки, бинты...

Сжимая заветный листок в кармане пальто, радостная и воодушевленная, лечу домой, уже представляя, как буду заниматься с ним в одном зале.

Однако реальность оказывается не такой, как я её представляла.

Ни на первую, ни на вторую, ни на пятую тренировку он не приходит. Зато в соседнем зале регулярно тренирует вся его диаспора во главе с Альбертом.

Но я не сдаюсь. Тем более, тренировки отлично сказываются на моей самооценке, самочувствии и состоянии тела. Я даже специально отказываюсь уезжать на долгожданные новогодние каникулы домой к родителям. Придумываю отговорки про дополнительные зачеты, лишь бы не пропустить ни одну вечернюю тренировку, где среди целой оравы мужчин я — единственная девушка.

Проходит не меньше месяца, прежде чем я, наконец, сдаюсь, решив придумать другой план, где могла бы его чаще видеть.

Однако реальность умеет удивлять, когда я, очередной раз тяжело выдохнув и взглянув на слащавую рожу страуса в коридоре зала, захожу к тренеру.

— Евангелина, у нас сегодня небольшие перестановки, — басит наставник, перематывая руки бинтами. — Из-за ремонта в малом зале, сегодня мы с тобой занимаемся прямо на лапах в ринге, пока парни в зале вокруг нас будут отрабатывать спарринги. Таким образом никому не придётся отменять тренировку.

Кивнув, я шагаю к канатам и машинально, по давно выработанной привычке, сканирую взглядом заполненное тестостероном пространство зала.

И чуть не падаю, споткнувшись на ровном месте, чувствуя, как тахикардия возвращает свой ритм, тараня меня по всем органам.

Господи, мне же это не чудится?

На другом конце зала, снимая черную футболку и обнажая идеальное тело, стоит *он*.

— Ева! Возьми скакалку и разомнись пока! — кричит через весь зал тренер, и я готова сдохнуть от стыда, потому что целая дюжина пар глаз мгновенно уставляются на меня.

Однако я смотрю лишь в одни.

В тёмные омуты, в которых давно утонула.

В глаза, которые даже при учете того, что я — единственная девушка в этом переполненном парнями помещении, все равно смотрят сквозь меня так пусто, холодно и равнодушно, словно меня и не существует вовсе.

Глава 3

Я искала способ просто оказаться рядом.

Судьба же искала способ оставить меня там навсегда.

Бам! Бам! — разлетаются по двору глухие звуки ударов.

— Представляете, тренер сегодня меня так хвалил! — выдыхаю, с силой впечатывая перчатку в лапы, которые с кряхтением удерживает перед собой Оля. — Сказал, что правой бью не хуже пацанов. Что снесу нафиг любого, если хорошенько приложусь!

Делаю паузу, чтобы перевести дыхание, но в этот момент чувствую, как внутри снова поднимается удушливая обида, не выбиваемся тренировками.

— На меня смотрели все парни в зале! — выдавал голосом свое отчаяние. — Все! Кроме него Девочки, ну что со мной не так?!

Подруги, сидевшие на скамейке, синхронно и тяжело вздыхают.

— Это с ним что не так?! — возмущается Настя.

— Мы так и знали, — качает головой Лера — моя подруга из группы по уголовному праву, живущая в соседнем подъезде, с которой мы тоже периодически гуляем, и с которой Оля в последнее время слишком откровенна.

— И чего от нас-то скрывала? — выдает обиженно Оля.

— Я просто я не хотела выглядеть сумасшедшей, — бормочу в свое оправдание, опуская руки в тяжелых перчатках.

Девочки переглядываются, вздернув брови.

— Ева, алло, — фырчит Оля. — Девушка с внешностью нежного ангела бьет лапы посреди двора спального района. Ты вообще себя со стороны видела? Разве он того стоит?

— Я делаю это в первую очередь для себя! — снова замахиваюсь для удара, но краем глаза замечаю движение.

— Ага, расскажи это нам — на фоне звучит голос Оли, но я уже бегло заглядываюсь в тускло освещенную площадку, где совершая вечернюю тренировку, бежит Альберт. В дорогом спортивном костюме, с наушниками в ушах, он бежит мимо нас, принципиально смотря сквозь нас. Типичных взгляд диаспоры. Как же раздражают!

Закатывая глаза от этого парада высокомерия, я луплю по лапам ещё сильнее, представляя на их месте смазливое лицо Серова.

— Ев, ну хватит так убиваться, ну, — мягко произносит Лера, которая, между прочим, уже давно сохнет по Искандеру. — Ну ты ж знаешь, что диаспора эта неприкосновенна. Ну забудь ты его уже.

Забыть? Невозможно.

— Легко сказать, — признаюсь болезненно. — Это похоже на что-то болезненное на лихорадку, от которой ломит кости. Меня в прямом смысле трясет от желания узнать о нём как можно больше. Залезть под кожу, разгадать каждую его тайну.

Девочки снова сочувственно вздыхают.

— Ай! Всё, Евангелина, тормози! — Оля с возмущением сбрасывает лапы прямо на припорошенный снегом асфальт и растирая покрасневшие запястья. — У меня уже руки отваливаются от твоих ударов!

Тоже скидываю перчатки, чувствуя, как костяшки пальцев пульсируют от боли.

Приятной боли.

— Завтра, кстати, премьера новой адаптации «Красавицы и чудовища». Так хотелось бы попасть

— Блин, я слышала цены там космические

Моментально загораюсь, услышав знакомые фразы, ведь «Красавица и чудовище» — сказка, которую я любила все восемнадцать лет своей жизни.

История о монстре, скрывающемся во тьме, и свете, который не побоялся к нему прикоснуться что может быть более эпичнее трагичнее чем распоряжение судьбы?!

Мы возбужденно начинаем болтать о том, как давно ждали этот релиз, и быстро договариваемся встретиться завтра всем вместе у главного кинотеатра.

Когда девочки уходят, а я иду к себе, не могу уснуть. Открываю телефон и на автомате снова начинаю копаться в новостных сводках, чтобы посмотреть, нет ли новых фотографий.

Однако просидел около часа, я случайно, переходя из ссылки в ссылку, зарываюсь в такие дебри, что от новой информации холод бежит по позвоночнику.

Оказывается, отец Дамира — не просто какой-то бизнесмен. Это пугающе влиятельный человек. Наибогачейший правительственный чиновник, чья фамилия не звучит в открытых новостях, но чьи решения переворачивают судьбы.

Что-то вроде серого кардинала.

Просматривая случайно слитые в сеть фотографии с каких-то закрытых правительственных сайтов, я натыкаюсь на один кадр.

Дамир стоит где-то на заднем плане, в идеальном черном костюме. Расслабленная поза, но этот взгляд от которого даже через экран веет угрозой.

Мне так нравится это фото, что внутри что-то срывает.

Поддавшись неизвестному порыву, я достаю альбомный лист и карандаш. Я не рисовала со времен школы, но сейчас пальцы двигаются сами по себе, словно ведомые чужой волей. Штрих за штрихом на бумаге проступают резкие скулы, жесткая линия пухлых губ.

И уже через пару часов на меня с белого листа смотрят те самые пронзительные глаза.

— Господи, я схожу с ума — шепчу я в пустую комнату, закрывая глаза.

Пальцы болят, а подушечки пальцем испачканы чёрным грифелем.

Резко убрав рисунок лицом вниз, бегу в ванную и остервенело тру руки.

Дыхание сбивается. Я смотрю на уходящую воду несколько минут, пытаюсь успокоиться.

А потом

Потом окончательно сдаюсь. Адреналин бьет по венам, трясутся колени. Я беру телефон, быстро делаю снимок рисунка, открываю реалграмм и, не давая себе ни единой секунды на обдумывание, отправляю ему фото в личные сообщения.

Сердце колотится как бешеное.

А кислород не усваивается, вводя меня в оцепенение.

Жду секунду.

Две.

Три.

Статус меняется на *«Просмотрено»*.

А потом я, кажется, совсем умираю, когда вместо пустоты на экране появляются мерцающие буквы:

«Печатает».

Глава 4

Тот, кто привык повелевать, видит в тайне не интригу, а угрозу своему контролю. А я, глупая, принимала его предупреждения за приглашение к танцу.

Я жалею о своем поступке практически сразу же. Не потому, что он получился плохо. Наоборот. Для человека, который никогда всерьёз не учился рисовать, вышло пугающе похоже. Настолько похоже, что теперь мне хотелось провалиться под землю, удалить страницу и до конца жизни обходить его стороной в университете.

«Печатает» до сих пор то загорается, то гаснет, а потом под фотографией появляется значок маленького красного сердца.

Я медленно выдыхаю, словно это не просто реакция, а официальное разрешение продолжать дышать.

Господи

«Ничего себе. Это впечатляет», — приходит ответ, который скручивает мои внутренности в роголик.

Я: *Здравствуйте. Я боялась, что вам не понравится,* — печатаю ответ в ту же секунду.

Он тоже отвечает практически сразу.

Дамир: *Очень красиво получилось. Мне нравится.*

Я до боли прикусываю внутреннюю сторону щеки, стараясь не улыбаться слишком довольной. Получается из рук вон плохо. Губы сами растягиваются в нервной, шальной улыбке. Это внимание — как доза запрещенного препарата, бьющая прямо по нервной системе.

Я: *Тогда ждите продолжения.*

Пальцы замирают над светящимся экраном. Я перечитываю отправленное сообщение.

Мало. Слишком сухо. Воздух в спальне кажется липким от напряжения, когда я решаюсь пересечь черту.

Я: *Можно на «ты»? Мы всё-таки несколько раз виделись.*

Дамир: *Можно.*

Дамир: *Мы виделись?*

Я закрываю лицо ладонью, чувствуя, как к щекам приливает жар. Идиотка. Ну просто невероятная идиотка!

Я: *Нууу, я тебя видела. Это же считается?*

Дамир: *Если ты видела меня, значит, и я должен был видеть тебя. Логично?*

Я: *Логично. Но вероятность небольшая.*

Несколько секунд он не отвечает. В комнате становится невыносимо тихо, и я физически ощущаю, как он по ту сторону экрана анализирует каждое слово.

Дамир: *У нас есть общие знакомые?*

Я качаю в отрицании головой, хотя он и не может видеть этого.

Я: *Нет.*

Дамир: *Я сейчас пытаюсь понять, кто ты. Хотя это, наверное, неправильно. Если бы ты хотела раскрыться, не писала бы анонимно.*

Я тихо смеюсь, чувствуя, как внутри все дребезжит от нервов. Такой странное ощущение парения, которое невозможно унять. Это не что-то контролируемое. Это импульсы, которые двигают моё тело, заставляя трястись как внешне, так и внутренне, пока я смотрю на экран как замороженная.

Он мог бы просто принять комплимент, написать дежурное «спасибо» и закончить разговор. Но вместо этого Дамир Романов методично расставляет ловушки, пытаясь вычислить меня. Словно я — сбой в его идеальной системе координат.

Тогда я ещё не знала, что неизвестность он ненавидит почти так же сильно, как неподчинение.

Я: Знаешь, было бы довольно странно написать тебе «не анонимно», учитывая, что мы не знакомы.

Дамир: Справедливо.

Я: И общих знакомых у нас нет. Раз уж этот вопрос всё равно был задан.

Дамир: Понял.

На этом разговор мог закончиться. Наверное, должен был, потому что он явно не собирается его продолжать, отвечая сухими, рублеными фразами.

Но я уже горю.

Внутри всё зудит от токсичного желания снова увидеть заветное уведомление с его именем.

А потому на следующий день, едва вернувшись с пар, я сажусь за новый рисунок и спустя пару часов отправляю его ему.

На этот раз он видит сообщение почти сразу.

Дамир: Здравствуй, Скиф, — впервые обращается ко мне по нику, который я решил обновить вместо непонятных черточек и точек анонима.

Дамир: У тебя хорошо получается. Ты ходила в художественную школу?

Скиф: Нет. А ты рисуешь?

Дамир: Нет. Если бы умел, наверное не пошёл бы в университет с уклоном на право, а выбрал бы что-то интереснее.

Скиф: Например?

Дамир: Дизайн ландшафта или архитектуру.

Я несколько раз моргаю, перечитывая эти две строчки раз за разом. За фасадом уверенного человека вскрывается невозможность самореализоваться в любимой сфере, открыто показывая на конфликт внутренних интересов.

Скиф: Я тоже когда-то думала об архитектуре, — поддерживаю разговор, чтобы не потерять лёгкость в общении. — Правда, я вообще много о чём думала. В итоге меня после двух лет практики в прокуратуре окончательно переманили в юриспруденцию.

Дамир: Тебе давали выбор. Это уже награда.

Дыхание перехватывает, когда я осознаю, что он сейчас далеко не обо мне.

Вспоминая те статьи в интернете про влиятельного отца. Про многомиллиардный бизнес, я невольно становлюсь на его место. На место человека, за которого родители решили все.

Скиф: Жалеешь?

Ответ приходит не сразу. Я сжимаю телефон в руках, будучи натянутой, как струна, готовая лопнуть от малейшего прикосновения.

Дамир: У меня никогда не было выбора, поэтому я не знаю, что значит «жалеть».

В его сообщениях впервые исчезают любые намеки на вежливость. Текст сухой, мертвый, но честный. Будто на несколько секунд он забывает, что разговаривает с почти незнакомой девушкой.

Скиф: Тогда и работать по профессии не хочешь?

Дамир: Нет.

Я задерживаю взгляд на этой фразе. В горле встаёт ком. В двадцать один год люди обычно одержимы амбициями. Кто-то хочет стать судьей, кто-то политиком, кто-то безжалостным следом или прокурором. А человек, который знает всё, который с пугающей лёгкостью выигрывает все конкурсы и научные конференции, говорит о том, что это «не его»?!

Скиф: Кем ты видишь себя в будущем?

Дамир: У меня есть лишь один путь. Как я и говорил, выбор в моей жизни — непозволимая роскошь.

Я закусываю губу, чувствуя, как изнутри поднимается азарт. Адреналин травит кровь, стирая границы инстинкта самосохранения.

Скиф: Если сейчас спрошу «какой», ты наверняка ответишь, что рассказываешь о таких планах только близким людям?

Дамир: Именно.

Пальцы дрожат над клавиатурой. Я знаю, что хожу по краю пропасти, но шаг назад сделать уже не могу.

Скиф: Слишком предсказуемо.

Секунда. Две. Три.

Мой пульс отдается в висках глухими ударами.

Дамир: Осторожно.

Всего одно слово, но от него веет такой пугающей ледяной глыбой, что кожа покрывается мурашками, а низ живота сводит от внезапного, болезненного спазма.

Скиф: Это угроза?

Дамир: Предупреждение.

Я опускаю телефон на грудь, уставившись в потолок широко раскрытыми глазами. Воздуха катастрофически не хватает.

Он не играл.

Он устанавливал правила.

Жесткие, бескомпромиссные.

И самое ужасное заключается в том, что вместо страха я чувствую как погружаюсь в эту тьму всё глубже вместе с ним.

Без единого шанса на спасение.

Глава 5

*Чем шире твоя империя, тем меньше в ней места
для тебя самого...*

Дамир

Мое утро никогда не начинается с иллюзий. Оно начинается с тяжести абсолютной власти, которая искажает само пространство вокруг меня, образуя стерильную тишину: в моей жизни нет места случайным звукам, как и нет места случайным людям.

Открываю глаза ровно в четыре тридцать утра. Без будильника, так как мое тело уже давно походит на идеально отлаженный механизм, подчиненный жестким навязанным извне биоритмам.

На рабочем столе уже лежит квантово-зашифрованный планшет, подключенный к закрытой сети, куда стекаются данные со всех уголков планеты, и где уже расписаны отцом мои задания на день.

Мой отец — Випариат. Человек, которому не принадлежит его жизнь, но который держит в своих руках всю власть этого мира.

Он никогда не звонит, чтобы спросить, как у меня дела, будучи слишком занятым удержанием равновесия на планете, однако успевает с особой тщательностью разработать задания, чтобы в очередной раз уничтожить во мне то единственное, что ещё осталось от человека.

Открыв планшет, смотрю планер. Сегодня я должен пройти и проанализировать закрытые протоколы планетарного сдерживания в энергетическом секторе. Математические модели, которые показывают, как закрытие всего трех портов в Южно-Китайском море может за трое суток обрушить экономику целого континента.

Вечером закрытое заседание с кураторами европейского сектора, после которого мне нужно разработать стратегию по искусственному обрушению логистических цепочек на Ближнем Востоке.

Через год мне предстоит начать перенимать от отца управление теневой империей, чьи границы не нанесены на географические карты, но чьи нити контролируют распределение всех мировых ресурсов планеты, и стать одним из пяти Випариатов мира.

Сейчас же... я наслаждаюсь последними днями свободы, отвоевав у отца право учиться среди таких ровесников, однако в моей жизни с самого рождения не может быть так, как у других, и моя просьба стала лишь реализацией псевдовыполненного отцом желания, за которое я уже слишком дорого заплатил...

Не только свободой, но и человечностью. Потому что на деле университет оказался лишь идеальной конспирацией, ведь одно из главных правил выживания нашей семьи гласит: «Чем более ты открыт, тем глубже твоя тень».

Наша фамилия известна лишь узкому кругу суверенов, глав транснациональных корпораций и правителей ядерных держав. Для обычных людей, с которыми я сижу на лекциях по гребаному уголовному праву, которое знаю ещё с десяти лет, я просто высокомерный мажор, сын очередного олигарха средней руки. Они не знают и никогда не должны узнать, что уже через год я начну официально перенимать бразды правления структурами, которые контролируют мировые логистические цепочки, теневые суверенные фонды и частные военные компании по всему земному шару.

Зстегиваю пуговицы безупречно выглаженной рубашки, краем глаза замечая мигающий индикатор защищенной связи на планшете.

— Дамир Владимирович, — слышу ровный голос Векслера — руководителя «Контур» — моей личной службы безопасности, чьи агенты во главе с ним ведут меня двадцать четыре часа в сутки.

— Говори.

— Зафиксирована несанкционированная слежка. Объект — студентка первого курса. Проводит систематический мониторинг вашего расписания, отслеживает маршруты. Мы уже изучили её цифровой и физический след от перинатальной карты в роддоме до секунды, когда у неё сработал триггер фиксации на вас. Девочка...

— Всё чисто? — сухо спрашиваю я, равнодушно поправляя манжеты.

Обычное дело. Очередная амбициозная дура, решившая подобраться ближе к деньгам, абсолютно не зная, с каким чудовищем хочет сблизиться.

— Мы проверили транзакции родителей, контакты, связи. Никаких связей с враждебными синдикатами или спецслужбами.

— Всё чисто, Векслер? — жестче повторяю я, не терпя лишних деталей.

— Да, сэр. Чистая гражданская. Угрозы безопасности нет.

— Тогда я не хочу ничего больше знать.

Обрываю связь и мгновенно стираю эту информацию из памяти. У меня нет времени на студенческий мусор.

Но мусор, как выясняется, обладает свойством накапливаться.

Спустя двое суток я стою посреди домашнего спортзала и раз за разом наношу глухие, ритмичные удары, когда Векслер снова выходит на связь.

БАМ! БАМ!

Я методично впечатываю кулаки в кевларовую обшивку тяжелой груши, выбивая из мышц скопившееся напряжение. Костяшки под бинтами приятно ноют.

— Девушка не останавливается, сэр. Она продолжает создавать точки пересечения. Если это раздражающий фактор, дайте санкцию — мы уберем её. Перевод в другой конец страны, несчастный случай у родственников, что угодно.

Груша трясется от сокрушительного хука справа, цепи жалобно скрежещут под потолком, а я замираю, тяжело дыша, и вытирая пот со лба.

— Векслер, — начинаю ядовито. — Если ты еще раз оторвешь меня от дел ради отчета о какой-то девчонке, я сменю главу безопасности. Я не собираюсь тратить на неё свое время. Оставьте её в покое. Поиграется и отстанет. И не смей возвращаться ко мне с этой чушью.

Я думал, что на этом всё закончится, но к концу недели реальность решает проверить меня на прочность.

Мой мозг вскипает, превращаясь в раскаленный процессор, который не справляется с охлаждением.

Отец бросает меня в самый эпицентр глобального кризиса: корпоративный конгломерат, спонсирующий разработку нейротоксина, выходит из-под контроля в Восточной Европе.

Они игнорируют наши предупреждения и планируют тестовый запуск в водопроводной системе мегаполиса. Чтобы обрубить им логистику и уничтожить лаборатории, не вызывая международный резонанс, мне приходится специально организовать локальную техногенную катастрофу на их главном энергетическом узле.

Своим решением я убиваю триста человек рабочего персонала, чтобы спасти жизни миллионам людей. Триста невинных жизней, перечеркнутых моей рукой на виртуальной доске.

Как же я устал... От необходимости принятия таких решений, от необратимости иного.

Я убил сотню, чтобы спасти миллионы. Это же чистая математика. Абсолютная логика. И отвратительное, разъедающее чувство на дне желудка.

Я долго не могу прийти в себя, глядя на сводки новостей, где горят обломки, а дикторы скорбными голосами зачитывают списки тех, кого я хладнокровно отправил на смерть.

Я наливаю себе стакан виски, но не пью. Просто смотрю на янтарную жидкость, пытаюсь собрать себя по кускам.

Я сделал то, что должен был.

Раздается звонок отца по закрытой линии, и я поднимаю трубку.

— Блестяще, — холодно произносит. — Жестко. Своевременно. В качестве поощрения за операцию я распорядился снять блокировку. В эти выходные ты можешь увидеть свою мать.

Связь обрывается.

Стакан в моей руке трескается. Я ставлю его на стол прежде, чем он разлетится вдребезги. Воздух выбивает из легких.

Мама. Моя персональная кровоточащая рана. Заложница в клетке отца, рычаг давления на меня, чтобы я оставался идеальной машиной. Одно упоминание о ней взламывает все мои сопротивления, оставляя обескровленным и уязвимым в пустой, ледяной комнате.

Я не видел её восемь месяцев.

Упираюсь локтями в стол, сжимая голову руками и пытаюсь подавить рвущийся наружу рык, когда планшет на столе мигает красным.

— Дамир Владимирович, — напряженно начинает Векслер. — Объект... та самая девушка. Она только что отправила вам личное сообщение с анонимного аккаунта.

— Прекратить слежку за перепиской, — рычу я, растирая пульсирующие болью виски. — Отключитесь от моего устройства. Свободен.

Я хватаю телефон. Пальцы с силой сжимают металлический корпус.

Какая же дрянь.

Какая глупая, навязчивая дрянь.

Токсичная ярость вскипает в сознании желанием раздавить, уничтожить её так, чтобы очнулась, чтобы лишилась иллюзий, пока все не дошло до отца, и он просто не стер её, как и всех тех, кто мешает ему меня подчинять.

Ловлю себя на мысли, что мне хочется выплеснуть на нее всю ту тьму, что сейчас душит меня самого. За свою слабость... за триста жизней...

Открываю приложение.

Однако вместо банального «привет» или другого глупого сообщения, на экране высвечивается картинка.

Я замираю. В грудь словно бьют с разбегу, перекрывая кислород.

Та часть с левой стороны груди, которую я тщательно прячу за маской безразличия, вдруг вздрагивает и начинает гулко грохотать, отдавая болезненным спазмом прямо в горло.

Я просто смотрю на экран и не могу сделать вдох.

Смотрю на свои собственные глаза, глядящие на меня с белого альбомного листа.

Но дело даже не в том, кто нарисован. Дело в том, *как*.

Эти линии. Эта штриховка резких скул. Эта жесткая, почти надломленная линия между бровями.

Они точно такие же. Абсолютно такие же, как и те... что когда-то рисовала *она*.

Пальцы действуют на автомате. Сам того не осознавая, я начинаю печатать ответ. Самый искренний, самый честный, который только может выдать моя выжженная дотла душа.

«Ничего себе. Это впечатляет».

Глава 6

Король привык, что перед ним молчат. Поэтому она начала кричать.

Евангелина

Ажиотаж вокруг новой отечественной экранизации «Красавицы и Чудовища» переходит все разумные границы. Кажется, город сошел с ума. Отовсюду на меня смотрят плакаты с готическими розами, огромные киноафиши и витрины, заставленные коллекционными статуэтками. Куда ни глянь — везде это Чудовище со шрамами и прекрасная испуганная девушка, вопреки всему влюбившаяся в него.

— Ева, ты билеты успела взять? Завтра же премьера! Говорят, на вечерние сеансы уже всё раскуплено, — Оля активно машет руками прямо перед моим носом, отвлекая от мыслей.

— Да там цены заоблачные, — подхватывает Настя, поправляя сумку. — Я думаю вообще подождать, потом будет дешевле, но платье я себе уже присмотрела. В таком только на свидание с каким-нибудь принцем ходить. Таким, как Серов, например.

Я делаю вид, что меня тошнит от одного только упоминания лощенного Альбертика, и после этого почти не слышу подруг, прокручивая в памяти нашу переписку с Дамиром. Это состояние продолжается и на паре по юридической психологии, где я окончательно улетаю в свои мысли.

После того угрожающего ответа Дамир больше ничего не писал. А я больше не решалась отправлять ему рисунки. Мы просто замолчали.

Но в те редкие моменты, когда я сталкиваюсь с ним в коридорах университета, я трепещу. С настойчивостью слежу за его походкой, которая так и вопит о том, что он абсолютный хозяин этого университета. Такой холодный, закрытый, недостижимый.

Он по-прежнему игнорирует всех вокруг, а на девочек вообще смотрит как сквозь пустое стекло.

Я тяжело, со свистом выдыхаю, уставившись в окно, и тут же расплачиваюсь за это...

— Скифова! — рявкает преподаватель, заставив тут же вскинуть на него испуганный взгляд. — Раз уж вам так скучно на моей лекции, ответьте: какие психологические девиации чаще всего скрываются под маской абсолютного контроля у правонарушителей?

Я вздрагиваю, поднявшись с места. Как человек, с детства страдающий синдромом отличницы, я не могу не ответить на вопрос преподавателя, однако мой ответ строится в том числе и на том, о чем я сейчас думаю все свое время...

Точнее о ком.

— За стремлением к абсолютному контролю могут скрываться страх уязвимости, тревога и потребность подавлять окружающих. В некоторых случаях гиперконтроль становится способом компенсировать внутреннюю неустойчивость или нарциссическую травму, — тихо произношу я, представляя перед собой... ледяного и отстраненного от мира Дамира.

Иногда мне кажется, что его холодность — не характер, а броня. Что вся его гиперответственность, жёсткость и вечное стремление быть первым выросли из чужих ожиданий. Будто он проживает не собственную жизнь, а ту, которую однажды выбрали за него.

Вот, что я думаю о нём...

А возможно, я просто пытаюсь найти оправдание человеку, о котором почти ничего не знаю.

— Знания — это не единственное, чему учат в высших учебных заведениях. Важна дисциплина, ответственность, уважение. Каким профессионалом вы станете, если будете пренебрегать основами? После основной пары останетесь. Пройдёте со мной дополнительный разбор по профессиональной этике и самоконтролю.

Подруги сочувственно шепчут слова поддержки, а я камнем падаю на скамейку.

Ну и ладно, — проносится в голове.

Все равно дома делать нечего...

Однако мой оптимизм испаряется, когда всю группу освобождают от лекции по гражданскому праву, и перед этим злосчастным дополнительным занятием по психологии у меня остается ещё полтора часа. Чтобы убить время, спускаюсь в студенческую столовую, покупаю себе стакан холодного апельсинового сока и сажусь за самым дальним столиком в углу.

Сделав глоток через трубочку, чуть не давлюсь, когда в зал высокомерной походкой заходит Дамир, а рядом с ним и его свита.

Внутри начинает моментально гореть. Я закрываюсь стаканчиком сока, а сама слежу за каждым его шагом, неявной мимикой, движениями губ.

Он останавливается у центрального столика и садится ко мне спиной. Пальцы сами тянутся к телефону. Я открываю наш с ним чат и, не давая себе времени передумать, быстро печатаю:

Скиф: *Давно не видела тебя в университете. Думала, ты всё-таки исполнил своё заветное желание и отчислился.*

Я откидываюсь на спинку стула, не сводя с него глаз, в то время как Дамир увлеченно разговаривает с Альбертом. Проходит минута, другая. Он долго не отвечает, и я уже начинаю корить себя за глупость, как вдруг замечаю, что его голова чуть заметно наклоняется. Он смотрит на уведомления на телефоне.

А потом...

Не убирает телефон, нет, он останавливает жестом Альберта, обрывая разговор, и берет мобильный в руку. Сердце в моей груди пускается вскачь, а дрожащие пальцы мешают разблокировать телефон.

Он не отложил мое сообщение на потом. Он выбрал ответить мне прямо сейчас.

Экран мигает уведомлением о новом сообщении.

Дамир: *Переживала?*

Отвечаю в ту же секунду:

Скиф: *Не переоценивай свою значимость. Просто удивилась отсутствию местного «короля» университета.*

Дамир: *Смелое заявление. В таком случае я могу считать тебя своей подданной?*

Черт, он что, хочет свести меня с ума?!

Скиф: *Не привыкла кому-то подчиняться.*

Дамир: *Неповиновение заканчивается наказанием, Скиф.*

Скиф: *Угрожаешь собственной подданной?*

Дамир: *Ты сама только что отказалась ей быть.*

Скиф: *Тогда тебе некого наказывать.*

Дамир: *Ошибаешься. У каждого короля есть мятежники.*

Я невольно улыбаюсь, продолжая следить за ним через весь зал. Дамир по-прежнему сидит ко мне спиной, но Альберт рядом с ним уже не говорит. Только недовольно посматривает на телефон в его руке, словно не понимает, кто посмел отнять внимание его величества.

Скиф: *И что ты обычно делаешь с мятежниками?*

Дамир: *Для начала нахожу.*

Улыбка исчезает с моих губ. Я машинально оглядываю столовую, словно он уже мог вычислить меня по одному только сообщению.

Скиф: *А если мятежник не хочет, чтобы его нашли?*

Дамир: *Тогда он не будет настолько опрометчив, чтобы писать королю первым.*

Чёрт.

Я замираю, уставившись в экран.

Скиф: *Возможно, ему просто нравится проверять терпение короля.*

Дамир: *Моё терпение редко проверяют дважды.*

Скиф: *Потому что все вокруг тебя боятся?*

Дамир: *Потому что быстро понимают, чем это заканчивается.*

Сердце грохочет с утроенной силой, а жар опоясывает все тело. Я не знаю, что мне на это ответить, и потому долго жую свою губу.

Скиф: *А мне теперь должно стать страшно?*

Пишу то, что действительно сейчас чувствую. Он... до трепета пугает меня.

Дамир: *Тебе уже страшно.*

Пальцы застывают над экраном. Я резко поднимаю голову. Он же не мог этого увидеть. Дамир сидит всё так же неподвижно, глядя в телефон.

Скиф: *С чего ты взял?*

Дамир: *Ты стала отвечать медленнее.*

Скиф: *Возможно, потому что на расстоянии ты казался менее пугающим.*

Господи, я что сейчас написала?! Идиотка-а-а.

Дамир: *На расстоянии? Хочешь сказать, что ты сейчас рядом?*

Что-то внутри меня боится собственного разоблачения, но какая-то часть все равно его отчаянно желает. Как минимум, мне интересно, как он станет смотреть на меня? Как на всех? Не-е-ет. Он не сможет и дальше притворяться. Как минимум, потому что уже пишет мне, отвечает на сообщения, рассказывает о себе что-то...

Скиф: *Да, прямо сейчас я вижу тебя.*

С особой тщательностью слежу за ним после отправки своего сообщения и замечаю, как его спина неестественно замирает.

Черт, он же сейчас не повернется? В таком случае я умру прямо здесь!

Дамир слегка наклоняется вперед и что-то тихо говорит мужчине, сидевшему рядом с ним. Только сейчас я замечаю, что этот человек не входит в его диаспору, да и вообще не похож на студента. Слишком взрослый, с жестким лицом и цепким, сканирующим взглядом.

Этот мужчина медленно поднимается из-за стола и начинает неторопливо осматривать столовую.

Паника бьет в голову и, не придумав ничего вразумительного, я моментально кидаю телефон экраном вниз на стол и принимаюсь с самым независимым видом настойчиво тянуть из трубочки свой сок.

Боковым зрением вижу, как он сканирует помещение. Вот сейчас смотрит на несколько девчонок за соседним столиком, которые уткнулись в свои телефоны, потом ненароком переходит на меня, и я ловлю его взгляд с вызовом, словно говоря ему: «Давай же, докажи, что это именно я».

Мужчина медленно обводит глазами каждого человека в зале, затем спокойно садится обратно на свое место и что-то шепчет Дамиру на ухо.

Спустя пару секунд мой телефон снова вибрирует.

Дамир: *Наверное, ты меня с кем-то путаешь.*

Я закусываю губу, чувствуя, как адреналин сжигает остатки страха. Он меня проверяет? Думает, я скажу сейчас что-то еще и себя компрометирую?

Скиф: *Я не могу тебя ни с кем спутать. Это невозможно.*

Дамир: *Почему же? Две ноги, две руки, голова... Самый стандартный набор.*

Делаю глубокий вдох, мысленно думая, писать ли последние слова, а потом с тяжелым выдохом забиваю:

Скиф: *Для человека, который может тебя перепутать, я слишком долго изучала твое лицо.*

Осознав, как одержимо звучит сообщение, я тут же добавляю:

Скиф: *Я тебя рисовала.*

Последнее сообщение становится пиком. Я краснею так, что даже если бы столовая была заполнена полностью, моё алое светило кричало бы похлеще любых слоганов, что та самая одержимая студентка — это я.

Резко поднимаюсь, подхватив сумку и, даже не допив сок, быстрым шагом иду к выходу из столовой. Мне нужно срочно вдохнуть прохладного воздуха из коридора, пока сердце окончательно не пробило грудную клетку.

И едва я закрываю за собой дверь, телефон во вспотевшей ладони бренчит, оповещая о новом сообщении.

Я с замиранием сердца смотрю на экран.

Дамир: *Ты победила, Скиф.*